

4. Ю.Н. Варзонин/Yu.N. Varzonin

*Тверской государственной университет, г. Тверь
Tver state University, Tver*

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РИТОРИКЕ COGNITIVE-COMMUNICATIVE APPROACH IN MODERN RHETORIC

Ключевые слова: коммуникация, риторика, когнитивно-коммуникативная лингвистика, научная парадигма.

Keywords: communication, rhetoric, cognitive-communicative linguistics, scientific paradigm.

Вторая половина XX века ознаменовалась обращением лингвистов к когнитивно-коммуникативному (функциональному) аспекту языковой системы, позволившему расширить границы познания природы языка и приведшему к появлению ряда новых дисциплин. Внушительный вклад в становление и развитие ряда таких дисциплин внесла семанτικο-прагматическая научная школа, созданная в Твери И.П. Сузовым. Смена научной парадигмы в значительной степени инициировала попытки перенести достижения когнитивно-коммуникативной лингвистики в смежные области познания, среди которых оказалась и классическая риторика.

В то время, когда риторика пребывала в очередном «забвении», многие её традиционные проблемы оказались в центре внимания новых научных направлений XX века, преимущественно тех, которые так или иначе обнаруживали связь с семиотикой. Как известно, развивая идеи Ч. Пирса, Ч. Моррис выделил в семиотике три уровня отношений к знаку — синтактику, семантику, прагматику, из которых прагматика описывает уровень отношений знака к его пользователю. Поскольку человек является пользователем знаков, прагматика имеет дело «со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» (Моррис, 1983: 63). Именно здесь и обозначено тесное соприкосновение с классической риторикой, пусть даже и принято считать семиотику по преимуществу плодом уже новейшей науки (хотя, разумеется, теория знака немыслима без учений Аристотеля, Бл. Августина, Св. Фомы, которые, вероятно, и не помышляли о создании семиотической теории; см. об этом в работе: Тодоров, 1999: 4-52). Впрочем, связь с классической риторикой была очевидна и самому Ч. Моррису: «В качестве основной предшественницы прагматики Ч. Моррис назвал риторикой» (Арутюнова, Падучева, 1985: 3).

Прагматика, как и лингвистика, стала исследовать, в том числе, естественный язык, а её подход к языку отличается синтетичностью: прагматические исследования «обнаруживают тенденцию к стиранию границ

между лингвистикой и смежными дисциплинами (психологией, социологией и этнографией), с одной стороны, и соседствующими разделами лингвистики (семантикой, риторикой, стилистикой) – с другой» (там же, с. 4). В качестве одной из основополагающих идей, на которые опиралась прагматика, была «языковая игра» Л. Витгенштейна: «"Языковой игрой" я буду называть также целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетён» (Витгенштейн, 1985: 82). Речь стала рассматриваться как деятельность человека, то есть одна из форм жизни. Этот подход вполне созвучен принципам инструментальной риторики античности, однако он сводит на нет всю орнаментальную риторику («красноречие»), в основе которой лежит установка на поиск эстетических форм при игнорировании содержательной стороны высказывания, – тот самый период «нечистой совести» риторики (Ц. Тодоров), продолжавшийся без малого два тысячелетия.

Созвучие прагматики с инструментальной риторикой оборачивается резким противостоянием с риторикой орнаментальной – это обстоятельство следует иметь в виду, поскольку в происходящем возрождении риторики очень заметны и сильны стремления сохранить концепцию орнаментальности, тем более, что в российских условиях риторика и появилась как преимущественно «наука украшения речи». Нельзя исключать какой-нибудь возможности синтезировать одно и другое, однако основное направление концепции, наверное, должно последовательно выдерживаться. В связи с деятельностной переориентацией прагматики проявился интерес к естественным формам функционирования языка. Восходящая к «присваиваемому говорящим человеком» языку в концепции Э. Бенвениста (Бенвенист, 1974) теория дискурса вовлекла в научный анализ субъективную психологию человека (см.: Сусов, 1988); наконец, взаимодействие разных субъективных психологий (межличностные отношения) во всём богатстве предстало в самой обычной форме человеческого общения – диалоге. Наметилось ещё одно серьёзное несогласование с риторической традицией, в которой весь научный аппарат был выстроен и приспособлен к монологу, а его некоторые основополагающие принципы (такие, например, как планирование воздействия) очевидно, не годятся для диалогического общения.

В целом прагматическому направлению отвечала и философская традиция анализа речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрл, П. Грайс и др.), развившаяся в теорию речевых актов. «Обнаружение Дж. Остином того, что минимальной единицей человеческой языковой коммуникации является не предложение или какое-либо другое выражение языка, а осуществляемые посредством их действия, имело и имеет далеко идущие следствия как для теории, так и для философии языка. То, что посредством одного и того же предложения в зависимости от ситуации его употребления можно сделать различные (истинные или ложные) утверждения; то, что с помощью языка мы не только указываем на объекты мира и утверждаем что-то о них, но и спрашиваем,

приказываем, обещаем, угрожаем, благодарим, сожалеем и т.д.; то, что, осуществляя эти речевые акты, мы можем определённым образом воздействовать на слушающего – убедить, обеспокоить, развлечь, напугать и т.д., – всё это говорит о том, что не язык и не текст сам по себе является действительным предметом нашего теоретического рассмотрения и до теоретического интуитивного восприятия» (Павилёнис, 1986: 380).

Речевой акт понимается как способ достижения человеком определённой цели. Уже родоначальники этой теории выделили в составе речевого акта локуцию (в отношении к используемым (языковым) средствам), иллокуцию (в отношении к цели и условиям осуществления), перлокуцию (в отношении к результатам). «Что же касается перлокутивного акта, то по самой своей сути он не находится в необходимой связи с содержанием высказывания. (...) Перлокуция – воздействие речи на мысли и чувства аудитории и посредством этого воздействие на дела и поступки людей – это тот аспект речевого акта, которым издавна занималась риторика» (Кобозева, 1986: 14). В этих замечаниях содержится очень важная мысль о том, что прямой зависимости между локутивной и иллокутивной составляющими речевого акта и наступающим перлокутивным эффектом не наблюдается, – это, кажется, довольно явно противоречит сложившемуся в традиционной риторике представлению, будто именно используемые языковые средства прочно связаны с тем или иным результатом и что достижение желаемого результата становится делом правильного выбора этих средств, причём с самых древних времён риторика в качестве неперменного условия предписывала следовать языковой норме, а в новейшее время стала рассматривать это условие как основное риторическое средство. «Одного знания системы того или иного языка, его фонологических, грамматических и лексических правил мало для того, чтобы успешно общаться на этом языке. Крайне необходимы очень хорошие знания из области прагмалингвистики, описывающей условия, конвенции и правила успешного коммуникативного взаимодействия, этнолингвистики (антропологической лингвистики, или лингвистической антропологии) и социоллингвистики, относящихся к данному этносу или этнографической группе, к данному социуму и социальной группе. От человека, желающего успешно общаться с носителями другого языка или с представителями другой социальной группы, требуется умение вживаться в менталитет другого народа (этноса) или субэтноса, в менталитет его определённой социальной (сословно-классовой, профессиональной, конфессиональной, поло-возрастной) группы» (Сусов, 2006: 44). В рамках теории речевых актов выяснилось, что фактически мало оснований «отождествлять осмысленность языкового выражения с правильностью его употребления, понимание его смысла – со знанием правил его употребления. Такая редукция делает необъяснимым как усвоение языка, так и его использование для обретения новой информации, возможность осмысленного использования одних и тех же языковых средств в разных

(новых) ситуациях и контекстах для выражения разных, в том числе несовместимых, представлений носителей языка о мире» (Павилёнис, 1986: 387). Так при анализе речевых актов сначала обнаружилась необходимость выхода в контекст употребления языкового выражения (вербальный, физический, исторический, социальный, культурный и пр.), а затем, начиная с работ Дж. Сёрла, для основных типов речевых актов были выявлены подготовительные условия ситуации взаимодействия, связанные с возможным намерением говорящего и способствующие распознаванию такого намерения. В конечном счёте, всё это привело к пониманию преувеличения роли языковых средств в общении – вывод, с которым возрождаемая риторика непременно должна считаться, если она действительно хочет соответствовать современному состоянию науки и быть полезной своему потенциальному потребителю.

Чем дальше продвигался анализ языковых выражений, представляющий, казалось бы, прежде всего интерес для лингвистики, тем очевиднее становилась неполнота такого анализа, вынуждавшая включать всё новые сферы. «К факторам, обуславливающим актуальный смысл высказывания (=иллокутивная функция + пропозициональное содержание), добавляется два чрезвычайно важных – знания коммуникантов о принципах общения и их "энциклопедические" знания» (Кобозева, 1986: 19-20). «Наша вербальная способность базируется на способности восприятия – идентификации и различения — объектов и состояний мира. Если это так, то нет и не может быть проблемы понимания речи и языка вне проблемы понимания мира. (...) Язык может использоваться и используется для социализации "картин мира", содержащихся в индивидуальных концептуальных системах, для приближения их к "картине", разделяемой членами языкового сообщества и отвечающей их ориентационным и экзистенциальным (физическим, духовным, технологическим, этическим, эстетическим и др.) потребностям в мире. Благодаря этой, предоставляемой языком возможности перехода от индивидуального, субъективного, к intersубъективному и в этом смысле объективному (то есть к intersубъективно проводимым различиям, артикуляциям мира посредством общего кода) можно рассматривать усвоение правильного употребления языковых выражений как усвоение соответствующих различий (классификаций) в мире – как предпосылку социальной коммуникации носителей языка» (Павилёнис, 1986: 383-386).

Теперь уже всё то, что говорится и понимается, предстало связанным в структуре личности со всем тем, что, кажется, на поверхности не лежит: «При описании единичного речевого действия во внимание принимаются не только типичные схемы практической и коммуникативной деятельности, но и типичные схемы организации внутреннего мира говорящего, иначе говоря, представленный в его картине мира (индивидуальной по способу существования, но социально и этнокультурно обусловленной!) набор познавательных структур. Коммуникативный подход предполагает

переплетение с подходом когнитивным» (Аристов, Сусов, 1999: 6; см. также: Сусов, 1989). «Только изучение способов взаимодействия и организации всех типов знаний приближает нас к пониманию сути языковой коммуникации, способствует прояснению природы семантического вывода, осуществляемого в повседневной практике употребления языка» (Герасимов, Петров, 1988: 6).

Следует заметить, что быстрое развитие нового направления науки по времени совпадает со становлением и прагматики, и теории речевых актов. «Фундаментальные открытия, послужившие отправным пунктом когнитивной революции, радикальным образом изменили направления исследований в различных областях науки, прямо или косвенно относящихся к человеческому мышлению. Однако только в середине 60-х годов эти открытия позволили сформировать единую картину мыслительных процессов, положив начало новой психологии, которую Ульрик Нейссер назвал когнитивной психологией. Позднее когнитивная психология стала частью более крупной дисциплины – когнитивной науки, которая в настоящее время охватывает исследования, проводимые в таких областях, как эпистемология, лингвистика, психолингвистика, информатика, нейробиология и т.д. Общая цель этих исследований состояла в поиске объяснений высших ментальных процессов» (Меркулов, 1999: 13). В центре внимания когнитивной науки оказались процессы усвоения, накопления и использования информации человеком, при этом человеческий мозг уподобляется некоему процессору с ограничениями, определяемыми природой ментальных процессов (см.: Величковский, 1983). Как следствие пошатнулось ещё одно уже устоявшееся в предшествовавшей лингвистике представление, согласно которому язык является материалом, на котором возможно интерпретировать сознание: «Сама проблема объективного соотношения языка и сознания искусственно навязана наукой последних полутора столетий. Эта проблема может быть поставлена, вероятно, с большим основанием, когда речь идёт о языке. От неё очень трудно, но необходимо избавиться, когда мы рассуждаем о нашем понимании сознания, потому что сознание невозможно понять посредством лингвистического исследования текста. Исследование текста, даже самое глубинное, даёт нам не более чем "проглядывание" сознания; текст может быть создан без сознания, в порядке объективного знания или спонтанно» (Мамардашвили, Пятигорский, 1999: 40).

Включение когнитивных аспектов в анализ функционирования языка на первом этапе предполагало исследование «базы знаний» носителей языка, включающей в себя: «1. языковые знания: а) знания языка – грамматики (с фонетикой и фонологией), дополненное знанием композициональной и лексической семантики; б) знания об употреблении языка; в) знание принципов речевого общения; 2. внеязыковые знания: а) о контексте и ситуации, знания об адресате (в том числе знание поставленных адресатом целей и планов, его представления о говорящем и об окружающей обстановке и т.д.); б) общефоновые знания (то есть знания о мире): знания о событиях, состояниях,

действиях и процессах и т.д.» (Герасимов, Петров, 1988: 7).

Далее внимание было переключено на структуры представления знаний, в ряду которых простейшими явились сценарии, фреймы, схемы, планы, скрипты и др. (в лингвистике преимущественно закрепился термин «фрейм» – см., например: Филлмор, 1988). Примером представления, прагматических знаний служат получившие широкое хождение стратегии в понимании Т. ван Дейка и В. Кинча. Результаты, получаемые в исследованиях различных направлений когнитивной науки, действительно очень быстро обновляются и открывают возможность использования их в решении прикладных задач, а также способствуют углублению представлений о языковой коммуникации, особенно о её скрытых механизмах. Разумеется, поиск ответов на самые волнующие вопросы и здесь находится в начале пути, но, может быть, путь этот окажется эффективным. Независимо от перспектив, рассматривать сегодня проблемы коммуникации и делать вид, что когнитивной науки не существует, уже маловероятно – её авторитет быстро растёт.

Часть аспектов коммуникативного взаимодействия принято именовать коммуникативными (скажем, констелляцию интерактантов), часть – когнитивными, хотя такое деление можно воспринимать, вероятно, только условно: понятно, что коммуникативное взаимодействие не исчерпывается лишь наличием самих коммуникантов, что могло бы, возможно, быть исключительно коммуникативным параметром, однако наличие коммуникантов никак не является коммуникативным актом, – для этого необходима соответствующая деятельность, соответствующая интенциональность и т.д. – то есть ничего без тех самых ментальных процессов, которые относятся к сфере когнитологии, не совершается (это верно хотя бы для статистического большинства ситуаций общения в естественных условиях).

Всё выше сказанное должно означать, что когнитивно-коммуникативные аспекты общения могут быть рассмотрены и со специфической точки зрения риторики, специально исследующей проблему повышения эффективности общения/взаимодействия в качестве самостоятельного раздела теории коммуникации.

Литература

1. Аристов С.А., Сусов И.П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // Лингвистический вестник. – Ижевск: Мин. Нар. Образования Удмуртск. Республики; УМО «Santa Lingua», 1999. – С. 3-15.
2. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – В. 16. – С. 3-43.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М.:

Изд-во МГУ, 1983. – 336 с.

5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – В. 16. – С. 79-129.

6. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – В. 23. – С. 5-12.

7. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – В. 17. – С. 7-22.

8. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 216 с.

9. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 37-90.

10. Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 1999. – 310 с.

11. Павилёнис Р.И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – В. 17. – С. 380-389.

12. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы. – Калинин: КГУ, 1988. – С. 3-11.

13. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: КГУ, 1989. – С. 5-12.

14. Сусов И.П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 379 с.

15. Тодоров Ц. Теории символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 408 с.

References

1. Aristov S.A., Susov I.P. Communicative-cognitive linguistics and spoken discourse // Linguistic Bulletin. - Izhevsk: Min. Nar. Education Udmurtsk. Republic; ULV "Santa Lingua", 1999. - С. 3-15.

2. Arutyunova N.D., Paducheva E.V. Origins, issues and categories of pragmatics // New in foreign linguistics. - M: Progress, 1985. - 16th century. - S. 3-43.

3. The Benveniste E. General linguistics. - M: Progress publishers, 1974. – 447 S.

4. Velichkovsky B.M. Modern cognitive psychology. - M: MSU Publishing house, 1983. - 336 S.

5. Wittgenstein L. Philosophical research // New in foreign linguistics. - M: Progress, 1985. - 16th century. - S. 79-129.

6. Gerasimov V.I., Petrov V.V. Towards cognitive models of language // New in foreign linguistics. - M: Progress, 1988. - Century 23. - S. 5-12.

7. Kobozeva I.M. "Theory of speech acts" as one of the variants of the theory of speech activity // the New in foreign linguistics. - M: Progress, 1986. - 17th century. - S. 7-22.

8. Mamardashvili M.K., Pyatigorsk A.M. Character and consciousness. Metaphysical arguments about consciousness, symbols and language. - M: the School "Languages of Russian culture", 1999. - 216 C.

9. Morris Including the Foundation of the theory of characters // Semiotics. - M: Rainbow, 1983. - S. 37-90.

10. Merkulov I.P. Cognitive evolution. - M: "Russian political encyclopedia", 1999. - 310 S.

11. Pavilyonis R.I. Understanding speech and language philosophy // the New in foreign linguistics. - M: Progress, 1986. - 17th century. - S. 380-389.

12. Susov I.P. Activity, consciousness, discourse and language system // Linguistic communication: Processes and units. - Kalinin: Kazan state University, 1988. - S. 3-11.

13. Susov I.P. Person as a subject of linguistic communication // the Personality aspects of linguistic communication. - Kalinin: Kazan state University, 1989. - S. 5-12.

14. Susov I.P. Introduction to linguistics: a textbook for students of linguistics and Philology. - M:AST: East - West, 2006. - 379 S.

15. Todorov Ts. Theory character. - M: House intellectual books, 1998. - 408 S.

(0,37 п.л.)